

Валерий Ахатов

Л.К.П.

Автобиографический роман

Валерий Владикович Ахатов
Л.К.П.
Автобиографический роман

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41257375
ISBN 9785449636461*

Аннотация

...Всегда есть выход. Любовь из невозможного делает возможное. Надежда умирает последней... Бог создал человека, чтобы он летал, а не ползал. Он повелел ему владычествовать над этим миром – доминировать над обстоятельствами, ходить во свете – удаляться от всякого зла. Бог Сам есть Любовь и посылает нам свыше Подарки, Которые преображают все вокруг, делают нас счастливыми и нужными. Цена за счастье – жертвовать собою во имя Любви и для Любви. Счастье есть его, не может не быть...

Содержание

Часть I. До	6
Часть II. После	64
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Л.К.П.
Автобиографический
роман

Валерий
Владикович Ахатов

*Посвящается
моей дражайшей жене Ринсиме*

© Валерий Владикович Ахатов, 2019

ISBN 978-5-4496-3646-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**САМОЕ ДОРОГОЕ, ЧТО МОЖЕТ
БЫТЬ У ЧЕЛОВЕКА,
КРОМЕ ЖИЗНИ – ЭТО ВРЕМЯ**

Оно просто уходит безвозвратно, оставляя шлейф воспоминаний, которые хочется помнить, а некоторые – забыть на веки вечные. И все же хорошо, что у нас есть память, которая дает нам возможность обернуться назад и вспомнить все.

Елисей, будучи прикованным к кровати и коляске в результате тяжелой травмы позвоночника при нырянии, пытался вернуться назад, анализируя свою жизнь до этого рокового дня, когда электричество закончилось и наступила непроглядная тьма на долгие годы.

Часть I. До

Мать снова в слезах, избитая отцом, лицо опухло от побоев, глаза затекли. Такая картина практически ежедневно вставала перед Елисеем и его двумя младшими братьями, Юлием и Виталием.

Отец закрывал сыновей в спальне, а мать их, свою жену, начинал методично избивать, приговаривая в пьяном угаре: – Это тебе от татаро-монгол, чтобы помнила трехсотлетнее иго. Вот так бьют татары!

Елисей и братья громко плакали и кричали, стучали в закрытую дверь, но все тщетно. Отец по-прежнему продолжал избивать их мать, а она кричала – звала на помощь, которой никогда не было.

Улица в их селе в глубинке Центральной России в народе именовалась «война и мир», ибо практически в каждом доме слышались скандалы, отборный мат да избивание местными главами семейств своих жен. Особенно с наступлением темноты крик и вопль женщин да их детей в летнее время превращали самое сладкое время года в кромешный ад, а в зимнюю стужу вой вьюги да танец пурги отдыхали по сравнению с истошным ревом жен и детей, когда отцы семейств продолжали в пьяном угаре глумиться над своими спутницами жизни.

На Руси была и есть такая поговорка: если бьет – значит,

любит. Вот так местные мужики в большинстве своем выкалывали свою «любовь» к женам. Да и по всей России было принято отрываться на женах рукоприкладством – дескать, знай, баба, кто в доме хозяин. Вот они и знали, что без тумаков нет счастливой жизни. «Раз бьет – значит, помнит обо мне», хотя в душе эти несчастные женщины хотели бы иной жизни, но она могла бы им только сниться.

Если отца рано не было дома, то Виталина и дети знали, что ночь будет бессонная. Если успевала до приезда мужа, то уходила с детьми к соседям в хлев, чтобы переждать гнев тирана-мужа, пока тот протрезвеет.

Елисей хорошо помнил соседских коров, овец да свиней. Наверное, мог по их рылам и мордам всех узнать сегодня. А вот птицу он что-то не вспомнил, обычно кур и гусей практически все держали, у некоторых были еще утки.

Как правило, приходилось бежать в хлев к крестной Елисея, тете Ане, которая сама подвергалась побоям от своего мужа – друга мужа Виталины. Они, когда распивали спиртные напитки, смело делились своими «подвигами» – кто и как накануне избивал свою жену и как они сегодня пойдут и продолжат свое утверждение в роли глав семейств.

Хлев был спасительным плотом для Виталины и детей, обычно в зимнее время года, а вот в более теплое это были кусты да бурьян где-то недалеко от дома.

Елисей помнил много эпизодов набегов своего отца с кулаками на мать, но один по сей день стоит перед глазами:

«У отца было одноствольное ружье. Так вот, он как-то зимой пришел домой вечером настолько пьяный, что на ногах еле стоял. Начал кричать и требовать еду, при этом оскорбляя мать последними словами. Мать послушно накрыла на стол, но ему, как всегда, все не понравилось. Конечно, все полетело в потолок и в бедную матушку.

Мы принялись кричать и плакать, а он начал избивать ее, все швырять на пол, затем достал ружье. Он еле стоял на ногах, непонятно каким образом вставил патрон и выстрелил прямо в зале дома. Попал в сервант – зеркало, стекло, какая-то посуда вдребезги.

Немного покачавшись, он приказал матери и нам всем (а мне тогда было около пяти с половиной лет, Юлию – четыре, а Виталию – три, где-то примерно в этом диапазоне) выйти на улицу практически в чем мать родила. Мать в женской ночной рубашке, а мы все – в классике советского времени – в белых маечках и черных трусиках.

Я помню, как мы стояли на снегу – было темно, завывала вьюга, только свет из окон коридора освещал эту зловещую картину, а родной отец с ружьем, направленным на нас – его жену, нашу мать, и его же детей... Память словно отрезало, совсем не помню, чем все закончилось.

И подобных эпизодов было множество, так что из детства мало что можно было вспомнить хорошего, кроме заботы матери да трехколесного велосипеда, который сломала соседская девочка Тая, старше на семь лет, усевшись на него.

Часто приходилось ждать и слушать в вечернее время на пороге дома (причем уши держать на стреме), как машина главы семейства приближается к дому. Значит, пора текать – хорошего не жди».

Елисей спрашивал у матери, как она познакомилась с отцом.

– Как познакомилась? На Дальнем Востоке, в Хабаровске. Я туда попала по распределению из Курского пищевого техникума. Работала технологом, а по совместительству директором вагона-ресторана на поезде Хабаровск – Москва. А он проходил срочную военную службу в рядах армии СССР. Вот так и познакомились, там и поженились – Инна в Хабаровске родилась.

Инна – старшая сестра Елисея, Юлия и Виталия. Ее по приезду в Орловскую область дедушка с бабушкой – родители Виталины – забрали в двухлетнем (или еще двух не было) возрасте и воспитывали до шестнадцати лет, ибо видели, как тяжело приходится их дочери с непутевым мужем, теперь их зятем.

Елисей продолжал спрашивать:

– Он всегда был такой? Зачем ты тогда вышла за него замуж?

Мать отвечала:

– Как поженились, так он словно с ума сошел. Начал бить меня, голодала, а ведь у меня Инна уже была на руках. Он после службы в армии устроился работать в милицию води-

телем. Пристрастился к алкоголю, денег совсем не давал. Я решила вернуться и быть поближе к родителям, хотя бы с голоду не дадут умереть. Да думала: может, переехав с Дальнего Востока, он изменится. Да не тут-то было, стало еще хуже – он стал бить до посинения, пить еще сильнее да гулять от меня с женщинами без конца. Вы уже тут родились.

Мать говорила о Елисее и его братьях.

Елисей с детства думал и мечтал, что когда вырастет, убьет отца. Часто вспоминал 10 июля 1981 года, когда отец наехал на мать на своей грузовой машине. Мать осталась жива, но был открытый перелом бедра – она долго лежала на вытяжке в больнице. Мать простила, отец получил условный срок. Даже после этого он не изменился. Несколько раз приезжал из соседней деревни, где находился родительский дом. Младший почти двухметровый брат Виталины Савелий одним ударом бил в лицо мужу Виталины, тот какое-то время лежал в крови под столом, а дядя Елисея забирал сестру с детьми и вещами в родительский дом. Через некоторое время отец Елисея просил прощения у Виталины, и она с детьми возвращалась домой, но буквально через короткое время все повторялось.

В марте 1982 года стало невыносимо до изнеможения. Мать набралась мужества и выгнала отца из дома, они развелись.

Началась новая веха жизни Елисея, его мамы и братьев, где отцу уже места не было – он канул в Лету, хотя совсем

в забвение не мог уйти никогда, память иногда давала о себе знать.

Мать Елисея работала поваром в сельской столовой местного колхоза, а вскоре стала заведующей столовой, так что с продуктами Елисей и братья не имели проблем. Хотя Виталину нельзя назвать ушлой и проворной, у нее в конце года всегда была в столовой недостача. Елисея еще со школы удивляло: как можно работать в столовой заведующей и иметь недостачу?

Дети Виталины отличались от многих своей чистотой и опрятностью, по сей день Елисей и младший, Виталий, очень педантичны и чересчур чистоплотны. Они никогда чуть с каким-то пятнышком небольшим или помятое не надедут, а машины свои Виталий чуть ли не зубной щеткой мыл. Все пассажиры его авто должны были тщательно отряхнуть ноги, прежде чем сесть в салон, а также он заранее предупреждал, чтобы не стучали дверью.

Юлий был точно такой же. Его не стало в двадцатисемилетнем возрасте. Он нелепо погиб – просто замерз. Ушел 4 января в лютый мороз, и нашли его только 24 февраля – после того как подтаял снег. Полевые мыши сделали свое дело – жуть.

Эта трагедия оставила отпечаток на всей семье Елисея. Кто-то остался без отца (Артемка, единственный сын Юлия: после срочной воинской службы Юлий сразу женился, в браке появился Артемка, который является по сей день боль-

шим благословением для всех), кто-то – без сына, кто-то – без брата (Инна, Елисей и Виталий), кто-то – без мужа (Тамара, мама Артемки, хотя брак Юлия и Тамары уже трещал по швам), кто-то – без друга.

Новая глава началась в семье Ахатовых, уже без мужа и отца, хотя вряд ли Вадима можно было назвать мужем и отцом – скорее извергом для Виталины и биологическим отцом для Инны, Елисея, Юлия и Виталия, потому что любящим мужем и заботливым отцом даже с натяжкой его нельзя было назвать.

Тут снова Елисей вспомнил эпизод из детства:

«Отец постоянно ездил по командировкам на грузовой автомашине с экспедитором и всегда имел в машине вкусняшки – это шоколадные конфеты, апельсины и все такое, но не детям он их привозил, а своим любовницам.

Однажды он приехал из командировки и забыл закрыть машину, так что пассажирская дверь была открыта настежь. Скорее всего, отец приехал подшофе. Мы боялись отца как огня. И тем не менее хотелось поиграть, порулить на машине, но к машине – все знали – нельзя подходить, иначе убьет. Это было где-то в самом конце семидесятых прошлого века. Скорее всего, это был 79-й год. Мы даже конфет, шоколадных тем более, никогда не видели. Я помню только леденцы в сахаре да «петушка» сладкого на палочке за пять копеек, больше ничего вспомнить не могу. А здесь – открытая дверь машины. Посмотрели – отца нет. На расстоянии загля-

нули в открытую дверь, а там в открытом бардачке и на сиденье кругом разбросаны конфеты и апельсины... У нас текли слюни, но взять не могли – боялись, ведь убьет. А сам так и не дал, все любовницам увез. Ночью пьяный приезжал – нас закрывал в спальне, а маму начинал ни за что ни про что жестоко избивать. Мы громко плакали и кричали, но все было тщетно – никто нас не слышал».

Елисей учился хорошо. В школу пришел – уже знал таблицу умножения. Виталина находила время для сыновей и занималась по мере сил.

Ему нравилось учиться – он старался, а вот младшим братьям Елисея, Юлию и Виталию, учеба давалась с трудом.

У Виталины дети всегда были чистенькие и опрятные, ибо сама была чистоplotная – любила чистоту и порядок.

Елисей закончил школу с одинаковым количеством четверок и пятерок.

Учился он весьма неплохо, а вот с поведением немного не дружил, хотя чего-то криминального, из ряда вон для всех мальчишек, он не делал. Разве что по сей день, наверное, в этой школе никто его не переплюнул по разбитию стекла. То снежком зимой залепит в стекло, то пеналом в кого-нибудь, а в итоге – в стекло шкафа или оконную раму, то мячом или еще чем. А однажды снежком залепил в лоб директору, аккуратно между глаз по центру, так что очки у него в одну сторону, а шляпа – в другую. Играли в школе на переменке в снежки, а директор вышел на порог – и тут Елисей про-

махивается. Да так, что очень «удачно» получилось – прямо директору в лоб.

Директор был хорошим человеком, пусть земля ему будет пухом, умер несколько лет назад – ему было восемьдесят два...

Он был образованным преподавателем – физика, алгебра, геометрия были на нем. Справедливым учителем. Елисей по окончании школы по его предметам имел пятерки по алгебре и геометрии, а по физике – четыре.

Игнат Вениаминович после очередного инцидента с участием Елисея сказал ему:

– Ты у меня школу не закончишь из-за поведения.

Это он сказал после того, как Елисей духи «Красная Москва», которые взял у мамы зачем-то в школу, вылил на голову своей однокласснице Тоне Петуховой во время продленки. Когда он сзади подкрался к ней и начал на голову лить духи (естественная реакция, если тебе что-то льют на голову) – она подняла голову, и пузырек угодил точно в глаз. Крик был такой, что сирены экстренных служб просто отдыхают.

Школу Елисей, конечно, хорошо закончил. Встал вопрос: что дальше, куда учиться поступать, да и кем он хочет быть, как строить жизнь?

Виталина одна поднимала троих сыновей с окладом в 115 рублей, благо была заведующей столовой – мясо и другие продукты в доме водились. Еще огромное и неоценимое

было подспорье для нее и ее детей, когда родители Виталины взяли старшую Инну на воспитание, иначе вообще Виталине туго пришлось бы, хотя куда еще труднее?!

Мать Елисея как могла занималась с детьми, особенно приходилось уделять по мере возможности время младшим, Юлию и Виталию, ибо ребята не хотели учиться, а вот Елисей, напротив, прямо-таки жаждал. Виталина с ним не занималась, только перед школой наставила на путь истинный – азбуку и таблицу умножения выучили, а весь школьный период жизни он самостоятельно умножал познания учебных программ и заданий – грыз гранит школьной обязательной программы. Где-то в старших классах он принес матери подписать дневник за неделю, а там ни одной пустой строчки без отметок за неделю по всем предметам – одни пятерки.

Виталина радовалась за старшего, ибо он самостоятельно преуспевал в учебе, только вот поведение хромало. Ей уже стыдно было слушать, как Елисей разбил очередное стекло или его снова выгнали из класса, потому что он не согласился с учителем и стал спорить с ним.

В каждом школьном классе есть классный руководитель, им был и остается в любой школе, гимназии, лицее один из преподавателей. Так вот, и у Елисея был классный руководитель, Валентин Петрович. Его уже давно нет в живых, но всегда помнишь его своеобразную манеру преподавания и общения с учениками. Он преподавал русский язык и литературу. Можно было за один урок получить, к примеру,

пять пятерок или единиц, это были его любимые оценки – он прямо так и говорил:

– Кол тебе!

То бишь единица. И если кому-то что-то не нравилось, то он заполнял несколько пустых клеточек в журнале соответствующей оценкой, коей была единица. Все зависело от его настроения, и если у Валентина Петровича все было в порядке внутри, то можно было бы несколько отличных оценок смело получить за один урок. Еще он любил унижать тех, кто не преуспевал в учебе, всячески мог назвать и просто саркастически посмеяться над учеником. Все в классе молчали, но только не Елисей. Класс подобрался интересный: лучший друг Елисея Максим был сыном директора школы и завуча; у самого Елисея мама была, как уже упоминалась, заведующей столовой предприятия; у одной из его одноклассниц отец был главным инженером, а мама – главным экономистом; у другой отец был главным энергетиком, а мама – заведующей местной почтой; у соседки-одноклассницы папа был заведующим сепараторным отделением приличной фермы, которая приносила серьезный доход от молока; также у одного из одноклассников мама была заведующей свинофермы; у другого отец был главным экспедитором. Словно собрались дети элиты местного предприятия, как на подбор, но так просто сложилось и получилось – класс был дружный.

Видя, как классный руководитель унижает одноклассников, которые не преуспевали в учебе, а таких было всего

несколько человек, Елисей начинал смело говорить в лицо Валентину Петровичу, что тот неправ и так нельзя. За что тот всегда выгонял его из класса, но вначале Валентину Петровичу приходилось с костылем погоняться за ним вокруг школьных столов. Учитель был уже в возрасте и передвигался с помощью костыля. Конечно, Елисея он догнать не мог. Побегав немного от Валентина Петровича, борец за справедливость шел к матери в столовую жаловаться, что, дескать, его незаслуженно обидел классный руководитель, ибо он всего лишь заступился за одноклассника, коим, как правило, был сосед по парте, сын главного экспедитора предприятия Сенька Мишуткин, которому очень тяжело давалось грызть гранит школьной науки. Часто заступался за девочек, которые также не преуспевали в учебе, их было всего две – это дочь главного энергетика предприятия Таня Запоздалая да его соседка, дочь дяди Васи и тети Люси Нина Гренкина.

Елисей перед мамой расстилался как мог, жалуясь, как его незаслуженно обижает Валентин Петрович и что он жертва и заслуживает вкусного обеда.

Мать Елисея готовила отдельно и особенно вкусно для председателя этого сельхозпредприятия две-три порции на случай, если тот приедет на обед не один, и одна из этих порций иногда доставалась Елисею, не только как сыну, но в первую очередь как «диссиденту», все время страдающему от произвола классного руководителя.

Этот номер у Елисея проходил всегда – он ел вкусный мамин обед и быстро сматывался из столовой, ибо буквально следом приходили на обед учителя (столовая предприятия также кормила учеников и преподавательский состав школы), вот тогда все и начиналось. Виталине приходилось краснеть за своего сына, когда Валентин Петрович в присутствии своих коллег начинал ругать Елисея по полной программе. Ну и конечно, учитель всегда был прав.

Не кривя душой, вина Елисея была только одна – не нужно дерзить учителю, даже если тот неправ. А в остальном, по сути, правда была на его стороне: нельзя унижать ученика, потому что тот не преуспевает в учебе.

Все как обычно, и каждый раз после очередного инцидента Виталина приходила с работы злая на сына, якобы он ее обманул и все такое. Крик стоял – это что-то, но Елисей всегда выкручивался, показывал дневник с положительными оценками по успеваемости, несмотря на запись классного руководителя внизу дневника красными чернилами о безобразном поведении. Елисей всегда говорил матери:

– Если мне не веришь, то пойдй у Нины-одноклассницы спроси!

Ну а Нина говорила все как есть, так что гнев Виталины сходил на милость к сыну. Хотя первое время мать могла Елисею кулаком по спине зарядить так, что у него глаза из орбиты вылезали от боли, словно позвоночник в трусы ссыпался.

Виталина любила своих детей по-своему, так, как ее любили в семье – без нежности, ласки и каких-то добрых слов. Елисей, будучи еще совсем юным, заметил, что нежности и ласки по отношению к матери не было у бабушки как к дочери. Дедушку он не знал, ибо тот рано трагически погиб. Насколько ему было известно со слов матери и старшей сестры, которую дедушка с бабушкой взяли на воспитание менее чем с двухлетнего возраста, дед был добрым человеком, а погиб нелепо, оставив много вопросов. Сел за руль своего трактора, на котором работал в местном колхозе, и направил его с крутой кручины, так что выжить у него никаких шансов не было. Елисей приезжал к бабушке и видел этот крутой овраг с высоким склоном: действительно, выжить было невозможно. Но почему он это сделал, до сих пор остается загадкой. Вроде бабушка что-то подозревала, да и дед как-то вел себя перед трагедией странно, как бы предчувствовал смерть.

Так что Елисей не знал дедушку, а вот бабулю знал хорошо – много раз ночевал в ее доме, иногда помогал ей: она просила его сбивать масло в банке. Довольно-таки утомительное занятие, Елисею это очень не нравилось – сидеть пару часов и более, непрерывно трясти эту банку с молоком, чтобы каким-то образом получилось масло. Такой вот своеобразный ручной сепаратор для приготовления масла. Также таял картошку, собирал смородину и сливу, приходилось и сено собирать, ибо у бабушки с дедушкой всегда

было много домашней скотины. Даже когда дедушки не стало, бабуля продолжала много держать скотины и домашней птицы. Помогал бабушке младший ее сын, брат Виталины Савелий, которому, собственно, все и доставалось от бабушкиного хозяйства, да еще перепадало старшему сыну Леонтию, который после армии женился и жил в городе. Бабушка в доме верховодила, так что и дедушка ей подчинялся. Почему-то из своих четырех детей бабушка Елисея Марфа выделила младших сыновей, а вот старшую сестру мамы Елисея Людмилу, а также саму Виталину она как-то недолюбливала, и дочери это чувствовали. Потому они хотели вырваться из дома, чтобы наконец-то ощутить свободу, выйти замуж и жить в любви и счастье, которых им так не хватало от матери.

Тетя Елисея Людмила удачно вышла замуж – родила аж шесть детей, трех мальчиков и трех девочек. Но однажды случилось страшное у тети – пожар в доме, который унес жизнь ее мужа Игната, а также погибли две дочери. Ушли именно те дочери, которых отец очень любил, словно он сам их с собой забрал, чтобы ему не было скучно в вечности.

Елисей недавно узнал, что тетя Люда оказалась в психиатрической больнице, а своих двоюродных, детей тети, он и при жизни до травмы не видел, иногда на рынке городском Лику встречал, правда. А братьев ее, наверное, сейчас не узнал бы.

Вот так сестры и жили, выбравшись в далекой уже юно-

сти из отчего дома. Виталина часто жаловалась на свою мать, что та не любила ее и тетю Люду, а все братьям да братьям, особенно младшему практически все сливки помощи от нее доставались. Елисей видел, с какой болью в сердце говорила мама об этом, какая обида была в ее словах со слезами. Хотелось обнять и пожалеть, но ни он, ни его братья просто не имели навыка любить – в словах, объятиях, делах, ибо ни мать, ни отец не научили этому, потому что сами этого не видели в своих семьях. Понимание любви в семьях матери и отца Елисея было таким: обуты, одеты, накормлены, напоены. А то, что творил отец, страшно и вспоминать, о какой любви могла быть речь? Елисей после очередных бесчинств отца говорил в себе с такой злостью и ненавистью:

– Вырасту, убью его!

Но прошли годы. Елисей уже учился в техникуме (сейчас он имеет статус колледжа), когда встретил отца... Отец, еще будучи, если можно так назвать, в семье, имел много любовниц, а одной из них уделял особое внимание, с ней потом и жил до самой смерти. Они с Алевтиной Ильиничной часто переезжали с одного места на другое. Обустроивались на новом месте, думали – навсегда, жили несколько лет, потом срывались и куда-то ехали. Часто отец возвращался на малую родину, а потом поднимался и мчал куда-то, оправдывая свой кочевой образ жизни плохим начальством на работе, якобы не сработались, или вообще плохими людьми в той местности, а на самом деле проблема его кочевого образа

жизни была одна – это предки, которые у него во все времена вели кочевой образ жизни.

Приезжал отец Елисея где-то раз в год погостить к матери своей сожительницы, ибо не заключали они законного брака. В этом мире принято называть такие отношения гражданским браком, но на самом деле нужно называть вещи своими именами, то бишь библейскими – это просто блуд, извращенная форма семьи. Прожили они вместе с 1982 по 2006 годы. Детей у них общих не было, а только единственная дочка Алевтины Ильиничны, которая с ними и не жила, в основном у бабушки.

Глафира вместе с мамой и отцом Елисея переехали жить в Краснодарский край, она уже вышла замуж к тому времени, еще будучи в Орловской губернии. Родила четырех детей, и вроде как бы все хорошо, как вдруг скоропостижно умирает ее муж, а потом и отец Елисея. Она вышла еще раз замуж – родила пятого ребенка, вроде все у нее хорошо, а вот мама ее очень болеет. Это все, что знал Елисей об отце, его сожительнице Алевтине Ильиничне и ее дочери Глафире.

И когда Елисей встретил отца, будучи уже таким взрослым, чтобы воплотить в жизнь задуманное в детстве, он посмотрел на него, и как-то что-то внутри екнуло: это же отец, какой бы он там ни был, ведь родителей мы не выбираем.

Они общались, иногда отец приглашал как бы к своей теще, маме Алевтины Ильиничны, в гости. Правда, за все то время, что Елисей был знаком и имел общение с Алевтиной

Ильиничной, он ни разу не слышал ничего плохого в свой адрес с ее стороны. Напротив, она всегда чистенько и аккуратно накрывает стол, поставит, по русскому обычаю, бутылочку беленькой. Если не было горячительных напитков, то на стол всегда было что положить покушать.

Елисей разговаривал с матерью неоднократно, а также с отцом, на предмет того, чтобы жить вместе, но Виталина уже ничего не хотела слышать об этом. Она после развода с отцом, наверное, впервые ощутила какую-то свободу (хотя и на руках были трое сыновей), выйдя из нелюбви и гнета своей мамы и мужа. Она пыталась устроить свою личную жизнь, но как-то не получалось, мало кому в нагрузку нужны чужие дети, хотя чужих детей не бывает. Как-то на заработки из Белоруссии приехала бригада мужчин для строительства каких-то сельхозпостроек, и с одним из них Виталина познакомилась, его звали Павло. Дружили они, пока не были построены все объекты по договору, после чего им пора было уезжать. Но Павло зимой вернулся для серьезных намерений. Жил, разумеется, в доме Виталины с ее детьми. Дети, конечно же, играли и шалили, одним словом – шумели, мальчишки ведь. Павло это раздражало, хотя детям он замечаний не делал, но Виталине высказывал, а она, в свою очередь, говорила детям, чтобы не шумели и вели себя потише. Но дети есть дети. Спустя несколько дней Павло сделал Виталине предложение: дескать, давай старшего оставим, а двух младших сдадим в детский дом. На что Виталина тут же ответила:

– Собирай вещи и уезжай!

Павло собрался и уехал. По сей день неизвестно, жив ли он и как сложилась его судьба. Виталина поднимала и растила детей одна.

Учеба, что в школе, что в техникуме, давалась Елисею легко. Если бы он прилагал максимум усилий, можно было бы и школу, и техникум с отличием закончить, а там сразу и институт можно было бы прихватить.

После четырехлетнего обучения он защитил диплом на четыре по пятибалльной системе.

Елисей сам по себе очень азартный человек, еще в школе со старшими ребятами пристрастился играть в разное на деньги. Вначале выбивали на школьных подоконниках орла или решку еще советскими монетами, также потихоньку он начал осваивать карточные игры. Но при этом Елисей никогда не забывал об учебе, как бы совмещал приятное с полезным. В старших классах он уже вечером в местной школьной котельной (а затем, будучи студентом – уже в сельской), когда приезжал из областного центра на выходные или каникулы, играл с местными мужиками в карты на деньги.

Елисей был самым молодым среди мужиков, которые играли на деньги. Там распивался алкоголь и сигаретный дым стоял стеной. Он где-то в уголочке сидел и хотел только одного – выиграть деньги. Мужики иногда жульничали и его обманывали. Елисей это видел, но не мог возразить, ибо мал еще был возрастом и можно было получить по полной. Прав-

ду говоря, они не очень уж нагтели, поскольку все из одного села были и, разумеется, друг друга знали, но иногда бывало и такое, что жульничали немного.

В начале января, ближе к середине, уже будучи студентом четвертого курса техникума, Елисей был дома на выходных. Пошел поиграть в карты в местную сельскую котельную, прихватив с собою среднего младшего брата Юлия. Как раз мужики годовую «тринадцатую зарплату» получили. Народу было очень много, практически все были навеселе, в основном пришли поиграть, но были и те, кто пришел выпить да поглазеть – время провести от заунылой сельской жизни, где с утра встают и до позднего вечера одна работа не разгибаясь.

В классической колоде было тридцать шесть карт, а играли всегда в секу, в которой максимальное количество игроков – двенадцать, ибо в этой игре раскидывается каждому играющему по три карты. Игроков может быть меньше, но максимальное количество может быть только двенадцать. Но в тот вечер игроки даже в очереди стояли – играли на выбывание. Кто-то проигрывал, и вместо него по очереди садился другой. На финиш вышли трое – местные кузнец и электрик, завсегдатаи этой игры, ну и Елисей. Напряжение нарастало, всем было интересно, чем же дело закончится. Некоторые молча стояли с опустошенным взглядом, перебирая в голове комбинацию за комбинацией – что сказать жене, куда делись деньги?!

Другие с предвкушением, открыв рот, смотрели в прямом смысле слова на кучу денег на столе – это был банк. Практически деньги всех проигравших. Котельная, пьяный перегар, дымовая завеса от сигарет, куча денег на большом столе, напряженные лица, что-то должно произойти, словно какой-то гангстерский экшен снимают. Но это было не кино, а обычный и в то же время необычный досуг местной мужской центральной братии, которые сели расслабиться после постоянно-го и изнурительного сельского труда. Хотя зимой, конечно, меньше работы, но домашний скот есть практически у всех, а он требует ежедневного ухода – у него нет выходных, причем несколько раз в день ему нужно уделять время.

Кузнец Виктор и электрик Леонид – закадычные друзья. Перед раздачей последнего кона они договорились поделить шкуру неубитого медведя, то бишь банковский куш. Напротив, Елисей никогда ни с кем ничего не делил, он всегда говорил, и все знали:

– Выигрывать или проигрывать я всегда буду один!

Но в этот раз он предложил мужикам:

– Давайте напополам?

То бишь не на троих, а напополам: одна половина – Елисею, а другая – им, ибо они согласились играть на руку, делить пополам.

Такой наглости они не ожидали от Елисея, хотя и понимали, что в скором будущем всем придется считаться с ним. Но пока он еще молод – пару недель назад только девят-

надцать лет стукнуло – они, конечно, эмоционально отказались.

Кузнец Виктор сдал им всем по три карты. Елисей сдвинул колоду. Все пристально наблюдали за движением рук кузнеца. Кузнец и электрик подняли карты, и Виктор расплылся в улыбке:

– Лёнь, дели!

Он заикался от рождения, а может еще откуда, история умалчивает, но это было сказано громко и эмоционально. Электрик Лёня бросил свои карты в колоду, а кузнец Виктор открыл свои карты и бросил на стол, даже не стал продолжать играть – там было два туза, а это на троих огромная вероятность выигрыша. Елисей своих карт еще не поднимал. Он, глядя на карты Виктора, снова набрался смелости предложить им:

– Пока не видел карты, давайте напололам?

Они рассмеялись.

Елисей взял карты и медленно начал натягивать карту на карту: первый был валет пиковый. Вторая карта вылезла – это была так же пиковая масть, девятка, то бишь уже девятнадцать очков, но у Виктора было два туза, а это двадцать два очка. Не открывая последней карты, Елисей показал две карты с девятнадцатью очками, третью и последнюю карту никто не видел. Он снова предложил им делить, ибо у самого был мандраж: лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Они на мгновение насторожились, ибо мало ли что там

третья карта покажет, но все же снова рассмеялись.

Елисей принялся медленно из-за девятки тащить третью карту, показалась черная головка цифры в правом углу карты – она была похожа на семерку. У семерки трэф головка тоньше, а у пиковой она толще – это была пиковая семерка. Елисей медленно открыл карты и положил на стол, тогда как электрик Леонид занес руку на кучу денег, чтобы делить со своим закадычным другом кузнецом Виктором банковский куш всего вечера. Но когда они увидели на столе двадцать шесть очков Елисея, то их смех и ржание обратились на глазах у всех в гримасу недопонимания и глубокой досады: «Как такое может быть???» Наступила гробовая тишина по всей котельной. Казалось, что и угольные котлы остановились и притихли в недоумении. Ведь еще до игры, как обычно, Леонид и Виктор уже были «упакованы» деньгами тех, кто пришел поиграть в надежде что-то выиграть. Но никто даже не мог представить, что сценарий будет иным. Кто даст самому молодому выиграть? Ведь мужики тяжелым трудом зарабатывали свои кровные и имели полное право их тратить как хотят, в том числе проиграть в карты или пропить, а Елисей – студент техникума, хотя еще со школы был принят в местную азартную братию побаловаться картишками. В любом случае никто и представить не мог, что развязка будет такой.

На Елисее был свитер. Он на глазах всей толпы заправил свитер в джинсы и принялся прямо пятерней руки склады-

вать через верх свитера деньги – считать при всех нельзя было, чтобы мужиков еще больше не огорчать. Грудь у Елисея заметно выросла из-за денег. Он отсчитал мужикам на трехлитровую банку местного алкоголя, который именуется самогоном, поблагодарил за игру и со средним младшим братом Юлием вышел из котельной. Юлий всю игру в сторонке молчал. Когда они немного отошли от котельной и двигались в направлении дома, он спросил:

– А сколько там денег?

Он глазами указывал на свитер – «денежный живот», который заметно выпирал за теплой курткой, ведь стоял приличный мороз, и снега в те далекие времена на порядок было больше нынешних скудных снежных осадков.

Елисей ответил:

– Не знаю. Придем домой – посчитаем. Только матери ничего не говори, понял?

– Понял, – ответил Юлий.

Елисей уже и не помнил, сколько он тогда выиграл, но Юлий не зря сходил с братом.

Мужики-то местные очень обиделись, что какой-то студент работяг без штанов оставил. Через пару недель драка была неравная в сельском клубе, то бишь в доме культуры, где Елисею сбоку исподтишка ударили так, что в трех местах челюсть сломали. Но Елисей уверен по сей день, что это была скорее случайность, чем злой умысел.

– А там кто знает, – говорил он.

Елисей уже со второго курса старался у матери денег не брать на учебу: стипендию получал 30 рубликов, да и карты кормили его и одевали исправно.

Мать, когда видела на нем новые джинсы, кроссовки или еще что-то, говорила:

– Елисей, опять в карты на деньги играешь?

– Да не, ма, с чего ты взяла? – отвечал он.

– А кроссовки откуда?

– Да стипендию копил, вот и купил.

Но мать-то не обманешь, она знала, что Елисей еще в школе играл на деньги. Сколько раз застукивала его за подсчетом денег или в карманах штанов что-то находила: то карты, то деньги.

Сначала кричала, говорила: «Мать проиграешь», и все такое.

Потом махнула рукой – мол, делай что хочешь.

В конце третьего курса Елисей уже мог позволить себе два-три раза в неделю в ресторан ходить. Любил он весь этот кабацкий антураж – музыка, полумрак, официантки его обслуживают. А когда уходил после застолья смачного, всегда оставлял на чай им.

В областном центре в одном из ресторанов у него был столик, который, как ни странно, был всегда не занят, словно это был его персональный столик, где его с особой услужливостью обхаживали, ибо Елисей никогда и нигде не скупился на чаевые.

Карты поили его и кормили, одевали и открывали двери в сердца нужных людей.

Забегая вперед, нужно отметить очень важный факт: в ночь с 26 на 27 января 2010 года ему приснился сон, что он все... проиграл. Елисей практически никогда не проигрывал, за исключением незначительных эпизодов, когда он проигрывал небольшие суммы, которые никак не влияли на его имя как игрока. Кто его знал прекрасно, те с ним не садились играть, ибо какой смысл? Лучше сразу отдать Елисею деньги и не мучиться, чтобы потом не разбивались надежды срубить монет по-быстрому. Елисей никогда не был шулером и профессиональным каталой, не крапил и не мухлевал, он просто был любителем, у которого были феноменальная память, уверенный блеф с непроницаемым взглядом, хорошо подвешенный язык и, конечно, фарт, ну как без него. Никто и никогда не мог знать, есть ли у Елисея карта или там зеро, можно было нарваться на масть, а можно было с приличной картой пасануть, когда у Елисея просто ноль. Так вот, во сне он все проиграл, даже игравшие с ним были в недоумении: как такое может быть?! Елисей просил у всех в долг, но никто ему не давал, ибо все понимали и даже говорили ему:

– Какой смысл тебе давать, если ты все у нас заберешь? Просто лучше сразу тебе отдать деньги, чем ты постепенно все у нас отыграешь.

Сильно он на них разгневался во сне, сказал им:

– Я все равно вас оставлю без штанов!

После этих слов Елисей резко проснулся, словно кто-то толкнул его в бок. Он услышал ясный и громкий голос в комнате геронтологического центра, в котором проживал уже с середины мая 2002 года:

– Если еще раз сядешь играть в карты – проиграешь Бога!

Елисей к тому времени уже уехал из дома и жил в доме для престарелых и людей с ограниченными физическими возможностями. Доживая свой век, он скрашивал свой физический недуг и пустое времяпрепровождение игрой с мужичками в карты, но уже не на деньги, а так, просто убить время, чтобы не сойти с ума.

Это был Бог! Точно, Сам Творец Вселенной обратился к нему! Елисей это понял в страхе и ужасе. Мурашки пробежали по его телу, он проговорил вслух услышанные им слова:

– Если еще раз сядешь играть в карты – проиграешь Бога!

Сон словно рукой сняло. Он несколько раз проговорил, как мантру:

– Проиграешь Бога! Проиграешь Бога! Проиграешь Бога!

В ночь с 26 на 27 января 2010 года карты для него умерли навсегда.

Когда Елисей окончил техникум, попутно захватив удостоверение на право вождения трактором и автомобилем, перед ним встал вопрос: а что дальше? Нужно ведь теперь работать, устраивать жизнь, самому своим трудом зарабаты-

вать на хлеб.

Начиналась новая, самостоятельная и полная неизвестности жизнь, где нужно искать свое место под солнцем.

Ему было девятнадцать, когда он окончил техникум в конце июня 1992 года. По призыву на срочную службу в вооруженные силы страны Елисей шел в одну из известных групп быстрого реагирования. Но случилось то, что случилось.

Почти за год до срочной службы в армии Елисей попадает в автокатастрофу, разбивается на мотоцикле 7 июля 1991 года. Он откусил пол-языка – чудом пришили, да вдобавок к этому еще выхлопная труба упала ему на левую ногу, и пока он выбирался из кювета (он просто улетел с дороги), получил сильные ожоги второй и третьей степени от колена до самого паха. Очнулся он на середине асфальтовой дороги, сидя и сдирая с себя шматы сгоревшей грязной кожи ноги. Подъехал какой-то автомобиль сзади прямо к спине сидящего посередине Елисея. Кто это был или были, он уже не помнит от шока вперемешку с алкоголем, ведь на мотоцикл приятеля Елисей сел, еле держась на ногах – отмечал с друзьями окончание третьего курса около местного магазина в саду медицинского пункта села, который находился аккурат рядом с селпо (так в деревне магазин называется).

Друзья решили отметить окончание третьего курса техникума, поскольку с Елисеем учились еще два одноклассника: Алексей Маломалов, который сделал «подарок» своей матери – не стал защищать диплом и был призван в армию, да

Семен Мишуткин – еще один одноклассник, который после первого семестра первого курса был отчислен за неуспеваемость. Алексей пришел к Елисею, и они, заранее договорившись, пошли к магазину, где их уже ждал старший приятель, Михаил Каверин. Елисей надел футболочку с девятым номером ФК «Динамо Киев», которую он прикупил еще в конце первого курса в общежитии техникума у местного фарцовщика, да джинсовые шорты.

Было очень тепло и комфортно им в тенечке сада местного медицинского пункта. Старший их товарищ Миша Каверин пошел в магазин и на деньги младших товарищей купил несколько бутылок какой-то сладкой настойки и немного дешевой колбаски, иной не было. Они пили и делились всякими своими «достижениями» и «подвигами», которые имели к своим восемнадцати годкам, а Миша им что-то свое рассказывал, пока Елисей не вспомнил, что ему надо в другое село к другу по очень важному вопросу. Как раз еще один младше годом приятель подъехал на мотоцикле. Елисей забрал у него мотоцикл, владелец не возражал, ибо хозяин байка уже неоднократно получал от Елисея тумачи, так что лучше отдать, чем сейчас и потом еще получить по сопатке.

Елисей был очень гордым – жизнь заставила. Бесчинство отца, да и старшие ребята обзывали его с ранних лет «татаром», ибо дедушка по мужской линии был у Елисея башкиром, а бабушка, которая рано умерла, с красивым именем Самсия, была татаркой – вот поди разберись, каких кровей

был отец. По паспорту отец числился башкиром с замашками татарина. Стоит заметить, что прадед Елисея был весьма известен в своей местности, очень был энергичным и позитивным человеком, со слов тети Елисея Розалии. А также очень зажиточным и преуспевающим. Во время коллективизации молодой советской страны большевики его избили, называли «кулаком». Так и не оправившись от побоев, он скончался в шестидесятивосьмилетнем возрасте.

Елисея всегда интересовало, откуда у отца такая прыткость и смекалка. Вадим, отец Елисея, мог за два месяца промотать все, а потом за полгода преуспеть во всем! А позже узнал про прадеда, каким он был крутым. Да и дед, буквально недавно умерший – 11 февраля 2017 года, на девяносто шестом году жизни – тоже был весьма известным. Боевой разведчик, дошел до Праги, где в 1944 году был тяжело ранен и отправлен домой, его комиссовали. А на фронт попал практически в начале войны – в 1941 году осенью. До почтенного возраста проработал в военкомате своего района в Башкирии.

Мужики рассказывали многое о дедушке, каким он был знатным охотником, да и рыбалку очень любил.

Совсем недавно одна еврейка в одной из социальных сетей в интернете спросила у Елисея: «Брат! А Вы знаете происхождение Вашей фамилии? „Эхад“, то бишь „Ахат“ – на иврите „один“, а „Ахатов“ означает „первый“. Вы во всем должны всегда быть первым у Господа!»

Елисею очень понравилось значение его фамилии на иврите, ведь он знал ее значение только на арабском и греческом, где тоже человек с таким именем всегда был в почете и уважении.

Когда старшие ребята в селе его дразнили, обзывая «татаром», страшнее и мерзопакостнее этого для Елисея ничего не было. Он скрипел зубами, хватал камни и грязь на дороге, да и что под руку попадет, и кидал в своих обидчиков. Как правило, их было несколько. Хотя они все были гораздо старше и могли поодиночке Елисею накостылять по полной программе, почему-то только дразнили, а физически обижали только несколько раз, да и то только когда он попадал в кого-то чем-нибудь.

Елисей мечтал избавиться от этого грязного штампа «татарин», думал, что оскорбительнее этого слова нет на земле. Но с годами, повзрослев, да еще узнав о том, кто его дед и прадед, и значение его фамилии на многих языках, особенно на иврите, он стал гордиться своей фамилией и своим происхождением.

Так вот, на последней комиссии в военкомате он встретился лицом к лицу с председателем этой комиссии, который был главным врачом в одной из больниц Орловского района, где год назад Елисей лечился от незначительного повреждения на ноге и где именно Николай Петрович был его лечащим врачом. Как-то раз он вышел на улицу погулять и подышать свежим воздухом, как вдруг, словно из ниоткуда, на-

встречу ему идет очаровательная хрупкая блондинка в кожаной куртке-косухе. Елисей остановился и пристально стал смотреть на идущую навстречу незнакомку. Она смутилась, посмотрев на него. Чуть покраснев, опустила голову и прошла мимо него в здание небольшой двухэтажной больницы, где Елисей зализывал раны после пересадки кожи на ноге, которые он получил в автоаварии, разбившись на мотоцикле. Ему было всего восемнадцать, молод и красив, потому он решил во что бы то ни стало познакомиться с девушкой, больно смазливая была девица. Она вскоре вышла из здания больницы, Елисей встал со скамейки и пошел навстречу ей, чуть прихрамывая.

Осень была очень солнечной и теплой, легкие солнечные лучики ласкали ее кукольное и ангельское личико. Она медленно шла в направлении автобусной остановки.

Елисей подошел к ней и извинился за беспокойство, что-то спросил, а конкретно:

– Кто у Вас здесь? Кому так повезло?

Она смущенно улыбнулась:

– У меня папа здесь работает. Он главный врач больницы.

– Николай Петрович?

Она ответила:

– Да.

Так все и началось. Елисей с Наташей подружились. Ходили в кино, парк, фотоателье. Но как-то все сошло на нет очень быстро, хотя она рассказала о нем даже папе, да и Ни-

колай Петрович сам все знал, ведь она каждый день, пока Елисей был в больнице, приезжала к нему, и конечно, папа все видел. Приглянулся он отцу Наташи, ибо тот как-то потечески стал смотреть на Елисея при медицинском утреннем обходе, всегда по-доброму улыбался, глядя на него.

Дружба Елисея и Наташи длилась всего несколько месяцев, между ними ничего не было, и как-то без объяснений все закончилось. Они даже не искали встреч – как случайно познакомились, так внезапно и разбежались, ибо не было у них изначально ничего общего: она – малоразговорчивая и замкнутая, а он – постоянно говорящий и очень темпераментный. Общее у них было только одно: они оба были весьма симпатичны внешне. Елисей сегодня не помнит ее лица, знает только одно: она была очень худенькой, с очень красивым личиком и вьющимися белокурыми локонами, вот и все.

Он вспомнил о ней еще раз на последней медицинской комиссии, когда он в трусах предстал перед председателем этой комиссии, который ставил окончательный вердикт: годен или не годен.

Председатель комиссии что-то писал, когда Елисей в порядке очереди встал в неглиже перед ним. Он поднял голову – и каково было удивление их обоих, что вот так год спустя им пришлось встретиться.

Николай Петрович, улыбнувшись, вначале внимательно осмотрел его и немного помолчал, глядя в глаза. Елисей немного смутился, ибо кого угодно он мог здесь увидеть,

только не папу Наташи.

– Хочешь в армию? – спросил его Николай Петрович.

Елисей, как будто уже с выправкой и армейской выучкой, быстро на автомате ответил:

– Нет!

Председатель комиссии еще раз внимательно посмотрел в глаза Елисею, улыбнулся и сказал:

– Иди.

Больше они не встречались никогда.

Комиссия признала его не годным к воинской службе, ссылаясь на какой-то пункт, указывая на ожоги ноги в результате автоаварии, хотя конечно, он был годен к армейской срочной службе.

Каждый мужчина просто обязан служить в армии, считал Елисей. Но на пороге был 1992 год, с треском только что рухнула советская империя – в молодой России водворился хаос. Никто не знал, как управлять самой большой по площади страной в мире – страну рвали на части. Как грибы после дождя, возникали военные очаги на постсоветском пространстве: то Приднестровье, то Нагорный Карабах, то Таджикистан, а впереди назревала чеченская трагедия, хотя до нее еще была пара лет. И везде, дыша имперскими амбициями, молодое российское государство хотело иметь свои интересы. Армия разваливалась на части, все разворачивалось и продавалось, не гнушались ничем. Новые власти пытались удержаться на плаву в мировой геополитике и не от-

стать от теперь уже единоличных имперских амбиций США, потому вместо того, чтобы заняться своей армией и экономикой, они пытались везде успеть, так что бросали в горячие военные постсоветские конфликты как пушечное мясо восемнадцатилетних срочников, и те просто погибали ни за что ни про что.

Елисей не хотел погибнуть – отдать жизнь, которая у каждого человека одна, за глупый приказ верховного главнокомандующего, который и сам не знал, что ему делать, ибо все в стране практически вышло из-под контроля. Даже на атомных секретных объектах страны сидели американские «эксперты», а молодая Россия, кроме долгов бывшего СССР, погрязла позже в долговую кабалу МВФ. Потому Елисей не стал даже раздумывать и, когда председатель комиссии спросил у него, хочет ли он служить или нет, не раздумывая сказал «нет».

После окончания техникума где-то полгода Елисей не работал и не учился, вел веселый образ этакого повесы – день прошел, да и ладно. Денег не было, да и работы не было. Да и мать не собиралась на своей шее держать сына-тунеядца, потому не давала ему денег, которых, по правде говоря, и так у нее не было. В конце 1992 года его дядя, брат матери Леонтий, устроил Елисея в организацию, которая занималась газификацией частного сектора и к целым населенным пунктам района доставляла голубое топливо как подземным способом, так и наземным, через воздушную подачу.

После весьма насыщенной различными событиями студенческой жизни сесть за штурвал большой строительной машины, которую Елисей доселе и в глазах не видывал, было равносильно спуску с небес на землю. Но деваться было некуда, на улице конец 1992 года, в стране хаос и разруха – работы нет, а кушать хочется всегда.

Год Елисей проработал в «Орёлгазстрое», а затем чисто случайно зашел на проходную завода жидкостных счетчиков, который находился через стену от базы, где он работал. Что-то вдруг ему захотелось зайти в приемную завода и спросить о свободных вакансиях в заводоуправление. И надо же, только что уволился или вышел на пенсию инженер-теплотехник, который отвечал за тепло всего завода, то бишь всех цехов, гаражей, социальных объектов завода, включая дома жилого фонда. Елисей не был знаком с этом видом деятельности, но был очень убедителен на собеседовании с уважаемым человеком завода, со старейшим работником, который от слесаря дорос до заместителя главного инженера весьма немалого предприятия. Елисей говорил, что инженер-механик и инженер-теплотехник – это не далеко ушедшие друг от друга специальности, нужно просто немного погрузиться в специфику теплотехники, и при должном усердии и сообразительности можно освоить все нюансы в этой сфере.

И действительно, где-то через четыре месяца Елисей получил премию за проекты по газификации испытательного

газового цеха. Причем он положил два проекта на стол главному инженеру – газификации как воздушным, так и подземным способом, с наименьшими затратами для предприятия. Главный инженер был весьма удивлен и сказал следующее:

– До тебя никто не мог сделать этого, ссылаясь на какие-то непонятные причины – и вот, пришел молодой человек и положил на стол мне аж два проекта! Сколько тебе лет?

Елисею был всего двадцать один год.

Ему нравилось всегда быть в центре всего – что в школе, что в техникуме, что в любой компании. Он чувствовал себя не в своей тарелке, если его не замечали. И конечно, самолюбие и гордость его вознеслись до небес, когда главный энергетик завода на планерке объявил, что главный инженер предприятия очень похвалил Елисея и приказал к премии ему поставить самый высокий коэффициент в денежном эквиваленте.

Все устраивало его на заводе: кабинет, телефоны городской и заводской, кульман, отличная столовая, очень чистое и ухоженное предприятие, с хорошими людьми, благоустроенное и зеленое, с яблонями и другими деревьями. Но одно доставало этому заводу (а это основа того, зачем люди там работают) – это зарплаты, они были небольшие. Даже Елисей на должности инженера-теплотехника имел весьма скромный оклад, что не позволяло ему хотя бы немного спокойно дышать, ведь заработанных денег ему едва хвата-

ло на самое необходимое, включая оплату квартиры, которую он снимал вместе с двумя своими закадычными друзьями. Потому он был приятно удивлен, когда ему позвонили с проходной завода в кабинет заводоуправления и сказали, что его ожидает... отец!

Елисею показалось, что он ослышался, потому он переспросил у охраны на проходной по телефону:

– Какой отец?

Ведь он обладал последней информацией, что отец с Алевтиной Ильиничной обосновались близ своей малой родины, на Южном Урале, в Челябинской области. Да и откуда отец мог знать, что Елисей уже полгода работает на заводе жидкостных счетчиков?

Елисей попросил дать трубку отцу, дабы убедиться, что это точно батя.

Когда он услышал голос отца, то немедля спустился на проходную завода.

Елисей был весьма удивлен, увидев отца на проходной.

Отеческих объятий не было при встрече, кроме рукопожатий. Елисей спросил отца:

– Откуда ты и как меня нашел?

– Из Москвы еду, гоню автобус на Урал, в контору, где работаю, – ответил отец. – Вот решил сделать крюк и к тебе заехать, предложить работу.

Елисей не стал больше спрашивать, как отец его нашел, а только спросил:

– Что за работа?

Скорый поезд Москва – Новосибирск остановился на станции Чебаркуль, что в Челябинской области, где его уже встречал отец. Он сел в служебный автобус отца, и они поехали в контору муниципального предприятия, где Елисея уже ждали.

Путь пролегал через гряду живописных Уральских гор, ведь Елисей никогда гор вживую не видел, даже таких небольших, как Уральские, если только по телевизору, мобильной связи и интернета еще не было. Это было 13 сентября 1994 года, когда нога его ступила на землю предков по отцовской линии.

Они въехали в черту города, который назывался Сатка и где, собственно, отец со своей женой обосновался и работал.

Город предстал пред взором Елисея невзрачным и неухоженным, по центру его бродили, казалось бы, бесхозные коровы, которые за собой оставляли шлейф огромных мин в виде лепешек. Его это очень удивило, и он спросил отца:

– Что это такое, откуда в центре города коровы, чьи они и куда смотрят власти?

Отец улыбнулся и сказал:

– Коровы приходят из частного сектора, бродят в поисках травки во дворах, гадят, а потом возвращаются домой, словно у них мозги есть.

– А власти куда смотрят? – спросил Елисей.

– А кому что надо, все уже привыкли к ним.

Елисей весьма был удивлен ответу отца.

На улице заканчивался 1994 год, в стране был хаос, через три месяца начнется Чеченская война.

Вадим привез сына на базу машинного двора и представил директору муниципального предприятия, с которым они предварительно поговорили о Елисее. По всей вероятности, отец владел информацией, что сын работает инженером, поэтому после разговора с директором о Елисее директор дал добро, чтобы сын Вадима приезжал, и сказал, что для него есть уже должность.

После общения с директором Елисею было предложено возглавить мини-заводик по производству асфальта. Также в зимний период это подразделение муниципального предприятия занималось изготовлением загородительных щитов из сетки-рабицы.

Елисею предложили семейное общежитие. В подвале этого четырехэтажного здания он и его двоюродный брат Валера организовали спортзал, где были боксерская груша, штанга, гантели, гири, а напротив – душ.

Валера был сыном тети Светы, младшей сестры отца, которые как раз в Сатке и жили, то бишь кузен был из местных. Елисей часто приходил к тете Свете, ибо таких домашних наивкуснейших уральских пельменей, какие делала тетя, нигде не сыщешь. Плюс еще к ним ставила на стол отдельно уксус и красный перец – пальчики оближешь.

Кроме малахита, изумруда, магнетита, стали и так далее, Урал славился и славится как раз своими пельменями, они там какие-то особенные.

Тетя Света со своими двумя сыновьями, Валерой и Николаем, ютилась в крошечной коммуналке, да плюс к этому еще и дядя Боря, друг тети. Потому так получилось, что за несколько месяцев перед отъездом с Урала Елисей все реже и реже заходил к тете и братьям, неудобно было как-то, ведь они жили очень скромно, тогда как Елисей на руководящей должности получал на Урале в восемь с половиной раз больше, чем будучи инженером на заводе на своей малой родине.

Но пельмени тетины Елисей до сих пор помнит.

Урал оставит большой след в его жизни и массу приятных впечатлений: он наконец-то познакомился со своим легендарным фронтовиком-дедушкой, боевым разведчиком, а также с другими многочисленными родственниками. Особенно незабываемые встречи были в квартире дяди Феди – его добродушная улыбка. Ильшат, сын дяди Феди, всегда рад был его видеть, да и вся семья дяди всегда рада была видеть Елисея.

С отцом Елисей ездил к деду в деревню, где заметил весьма чистые и ухоженные улицы с деревянными банями в каждом доме. «Дед к нашему приезду всегда баньку уже натапливал, так мы сразу попадали с корабля на бал, а затем – богатый стол с различными яствами». Отдельное спасибо Ели-

сей говорил бабушке Нагине-Апе, за чудесно приготовленного налима, которого вылавливал дедушка вершами в реке Ай, протекавшей прямо за большим огородом дома дедушкиного огорода – это очень величественно и красиво, словно на тебя река надвигается, а потом резко куда-то пропадает.

Где-то сразу в начале января 1995 года, после приезда Елисея с малой родины, куда он ездил на недельку за свой счет, чтобы отметить свой день рождения, ибо друзьям обещал, что на его праздник жизни обязательно приедет домой, он познакомился с девушкой. Она дочь офицера российской армии, который погиб в Таджикистане, а на дворе был конец 1992-го и начало 1993 года, когда русским было небезопасно находиться на территории этой бывшей советской азиатской республики. Да и не только в Таджикистане, но и во всех республиках бывшего СССР русский – это агрессор, захватчик, злой человек. Только в двух республиках постсоветского пространства русский чувствовал себя комфортно – это Беларусь и Украина, но с 2014 года и на Украине стало русскому небезопасно, потому что к власти пришли русофобы и националисты. Так вот, Инге с мамой и сестрами пришлось уехать спешно из Таджикистана к родственникам как раз в Сатку.

Случайная встреча. Несколько месяцев отношений впере-мешку с другими встречами, круговорот разных мероприя-

тий и событий, бессонные ночи. Спортзал Елисей стал все реже и реже посещать, на улице весна, да и малая родина звала, друзья обещали большие деньги из Москвы для поднятия пока малого бизнеса. Надоело все ему уже здесь, принял решение – уехать домой!

Главный инженер предприятия, когда узнал, что Елисей подал заявление на увольнение, позвал к себе:

– Не уезжай! С матерью твоей братья и сестра рядом, строй свою жизнь. Я скоро буду поднимать мощную турфирму – места здесь красивые. Буду генеральным директором, а ты при мне – моим замом. Малый ты умный, смекалистый, характерный, мы с тобой такое здесь устроим – будь здоров!

Хороший мужик он был, Самойловский Валерий Викторович, правильный какой-то. Сломанный кривой нос, высокого роста, большие руки, мастер спорта по боксу.

«Однажды генеральный директор назначил ко мне заместителя, который мне вообще был не нужен – я прекрасно со всем сам справлялся. Говорю директору:

– Александр Михайлович, я не справляюсь со своими обязанностями? Зачем мне пес? Ваш завод за несколько месяцев стал под моим руководством рентабельным, отремонтированным и ухоженным. Работая до поздней ночи, мы прыгнули с экологического грязного мазута на газ, я навел полный порядок на заводе. Что не так, зачем мне заместитель?

Он мне сухо ответил:

– Пусть работает!»

Елисей ничего не сказал, просто развернулся и ушел, хлопнув громко дверью в кабинете директора.

После недельки отпуска, которые он провел на малой родине, по приезде на Урал (а Урал его встретил вьюгой и очень приличным морозом) как-то немного затосковал Елисей по дому, по друзьям, с которыми вырос, по маминым котлетам и жареной картошке с ее мутными, очень кислыми и очень солеными огурцами.

Для каждого человека малая родина всегда будет лучшим и самым дорогим местом на земле. Неделька за свой счет дома отложила свой отпечаток. Когда Елисей приехал на скором поезде Москва – Новосибирск, его ждал отец на красном «ПАЗике» на станции Чебаркуль. Сели в автобус – мелё, начало января, говорить никому не хотелось. Пришли в общежитие: ба! – знакомые все лица, через одного пьяные – надоело. Все ему обрадовались, особенно Марат, с которым подружились – он и его жена Наташа жили через стену, они с ним после работы и в выходные рубились в игровую приставку через ТВ у Марата в комнате, в «Тетрис», а больше всего нравилось им играть в «Танчики». Наташе, конечно, это не нравилось, ибо муж после работы не ей уделял время, а Елисею, да и в выходные дни Марат уделял ей мало времени, все наиграться не могли. К тому же Наташа была беременна – они ждали первенца, и конечно, она была вся на нервах.

Еще на станции лицо отца не понравилось Елисею, а когда приехали в общежитие, зашел в комнату, а телевизора нет. Спросил у отца:

– Где телевизор?

– Он у нас! Был Новый год, а мы с Алевтиной Ильиничной хотели «Голубой огонек» посмотреть и все такое, вот и взяли.

– Да ладно! – ответил Елисей. – Он же твой, не оправдывайся.

Сожительница отца, Алевтина Ильинична, увидев меня в двери их комнаты, сквозь зубы улыбнулась и сказала:

– О, Елисей приехал, есть будешь?

Батя предложил водки – Елисей выпил.

Вдруг вспомнил свой недавний день рождения на малой родине, который отмечал в ресторане «Русский лес» – сорил деньгами так, что должен остался, старшая сестра Инна с зятем Алексеем доплачивали. Погуляли будь здоров!

Все реже Елисей заходил в комнату к отцу – не рады ему там были, он чувствовал это всеми фибрами своего тела.

Да тут как раз и Инга подвернулась, спокойная, тихая, кормила и поила, удовлетворяла все его прихоти. Она была хорошим человеком, но Елисей ее в упор не замечал как женщину, с которой будет строить общий дом, потому что он всей душой и всем сердцем был уже дома, да и о своей семье он даже не думал: еще рано, считал.

А когда его заместитель подставил с закрытыми ведомо-

стями по зарплате – выходы, сверхурочные часы, отгулы, выходные – это было последней каплей для него: пора домой! Елисей в последний день месяца уже утром подписал ведомость выходов и так далее своих рабочих подотчетного ему объекта, сдал в бухгалтерию. Но случилось то, что случилось. Заместитель попросил отпустить его после обеда по каким-то семейным делам. Елисей отпустил и попросил его не рисоваться нигде, а тот напился пьяный, пришел в центральную контору и устроил дебош, требовал каких-то денег, а Елисей знать ничего не знал.

Утром директор вызывает Елисея и спрашивает:

– Где вчера был Ваш заместитель?

– Где ему быть? На работе, конечно!

Елисей соврал.

Директор снова спрашивает его:

– Почему Вы поставили полный рабочий день Вашему заместителю, тогда как он во второй половине дня был здесь в пьяном виде и устроил скандал?

Елисей раздраженно ответил:

– У него была переработка, потому я его отпустил!

Директор задал тот же вопрос. Тогда Елисей молча вышел из кабинета и пошел в бухгалтерию, попросил ведомость выходов своих сотрудников, которую сам же сдал в бухгалтерию, а она уже была к тому времени завизирована генеральным директором, потому ничего уже исправить невозможно было. Но Елисей в порыве гнева нарушил правило субordi-

нации, взял и перепрыгнул через подпись директора, поставил вместо восьми рабочих часов прогул заместителю, а этого было делать ни в коем случае нельзя.

Директор был взбешен от такой наглости Елисея, аж встал из-за стола в своем кабинете с мраморным лицом от злости. При всей этой картине маслом присутствовал главный инженер, сидевший за столом директора со стороны посетителей. Директор и слова не успел вымолвить, как Елисей прямо в лицо ему сказал:

– Больше ко мне своих шестерок не присылайте – зашибу!
Развернулся и ушел.

Еще до этого инцидента Елисей уже принял решение вернуться домой, на свою Орловщину.

Главного инженера, Самойловского Валерия Викторовича, наверное, так зацепила дерзость и честность Елисея, что он предложил Елисею не уезжать, а стать его заместителем в туристической фирме. Но Елисей отказался, хотя предложение было очень выгодное и как человек Валерий Викторович был честный, волевой и надежный, иначе он бы не стал мастером спорта по боксу.

Но Елисей уже бесповоротно принял решение все же вернуться домой.

Последние дни и недели он просто веселился и гулял, директор по закону попросил отработать две недели – сдать дела. Мужики огорчились очень, что Елисей уезжает, даже в семейном общезитии многим было грустно от этой ново-

сти, успел он со всеми подружиться.

Инга была сама не своя, когда Елисей сказал ей, что уезжает из Сатки на родину и в его планы она никак не входила. Их знакомство было случайным, никто никому ничего не обещал и не говорил, как-то все спонтанно вышло: он огонь и рубаха-парень, очень компанейский и разговорчивый, разносторонне развитый, а она – полная противоположность. Из нее получилась бы очень хорошая мать и жена, но Елисей в свои двадцать два и не помышлял об этом, хотя двумя годами раньше чуть было не женился.

Ей было шестнадцать, она заканчивала школу, а он – техникум. С ней его познакомил ближайший друг по сей день, а по совместительству одноклассник Максим Воронков. Он еще накануне рассказывал, что познакомился с очень красивой девушкой и она будет его подружкой – Елисей его поздравил и пожал руку. На следующий день она должна была приехать к бабушке, а скорее – к дедушке, ибо он был ей родной по крови, а бабушка не очень рада была Лауре, с города. Они пришли к автобусной остановке, и тут выходит она, как утренний рассвет – очень красивая, с очаровательной улыбкой. Максим их познакомил, а у Елисея словно затмение в голове: «Она будет моей!» Он напрочь забыл, что она вроде как подружка его лучшего друга.

Поздним вечером из местного дома культуры она с дискотеки домой ушла с Елисеем, как раз в тот летний вечер Максима не было в клубе. Елисей попросил у Макса прощения –

дескать, прости, брат, она как-то сама предложила ее проводить до дома, и все такое. Макс махнул рукой, но все же обиделся, вслух не сказал, а по глазам было заметно.

Тринадцать месяцев они продружили, даже был момент, когда дело могло дойти до свадьбы – Лаура уже заканчивала первый курс педагогического института. Как раз из армии пришел его закадычный друг Саша Изюмов.

Елисей – очень аккуратный и педантичный человек. Если он что-то обещает, то обязательно делает. А уж со временем у него всегда было все в порядке. Если сказал, что в три придет – значит, он точно придет в три. Может, раньше на минуту, но никак не позже на ту же минуту.

Так вот, молодо-зелено, встретились друзья-товарищи. Как полагается по русскому обычаю, отметили, но Елисей сразу предупредил:

– Мне в 19:00 к Лауре!

Все в городе знали, что Лаура – его девушка, а он – ее парень. Город был небольшой – чуть больше пятидесяти тысяч человек. Они часто были во многих общественных местах их провинциального городка, включая дискотеки, парки, рестораны, иногда на стадионе.

Елисей ни разу не опоздал на свидание с Лаурой – всегда приходил вовремя. Но в этот раз, причем в первый раз, он обещал прийти в 19 часов, а пришел в 19:07, то бишь опоздал на семь минут. Немного подшофе, он позвонил в квартиру. Лаура открыла в дверь, она была очень недовольна.

Он извинился, сказал, что Саша Изюмов из армии пришел – немного посидели. Закрыв дверь квартиры, она посмотрела ему в глаза и выпалила:

– Тебе, дорогой, нужно выбирать: или я, или друзья!

У Елисея глаза выпали в осадок!

Он ничего ей не сказал – они молча гуляли, иногда перекидываясь несколькими словами, прошел реальный сквозняк между ними. Елисей проводил ее до дома, поцеловал в щечку и ушел – ушел навсегда.

Сколько раз их хотели снова свести вместе, очень усердствовала в этом его старшая сестра Инна, но он так и не вернулся. Через много лет Лаура нашла его в соцсетях, она была замужем, имела взрослого сына, работала преподавателем в одной из школ города Орла. Несколько раз она приезжала к нему на день рождения, иногда они перезванивались, общались в соцсетях.

Она спрашивала его:

– А почему ушел тогда и не вернулся, почему ничего не объяснил?

Елисей ответил ей честно:

– Лаура, наверное, просто не любил. Да еще в тот день, когда ты сказала, что я должен сделать выбор – или ты, или друзья – я сказал себе в душе: «Если она мне еще не жена, что будет потом, когда мы поженимся?»

Она ответила:

– Я так и поняла, где допустила ошибку.

Елисей накрыл стол в комнате семейного общежития для тех, с кем больше всего общался – пригласил, конечно, и Ингу. Все шутили и улыбались, кто-то говорил: «А может, останешься? Ты тут нам своим стал». Только Инга была очень грустная, слово знала наперед, что Елисей не вернется никогда больше, хотя и говорил всем, что обязательно приедет в гости.

Но не к Инге конкретно, а вообще, ибо много родственников живут у него на Урале, да и друзья-товарищи новые появились.

Через двадцать два года Инга сидела за монитором компьютера, и вдруг выскакивает фотография профиля одного из аккаунтов в соцсетях в опции «кто сейчас на сайте». Она потом уже по видеозвонку и в переписке говорила и писала, что чуть со стула не упала, когда увидела его фейс.

Когда Елисей увидел запрос на добавление в друзья, прочитал фамилию и имя, имя ему сказало, что это та самая Инга, ибо фамилию ее он не помнил и к тому же она давно уже была замужем и, естественно, носила фамилию мужа. Фото ее профиля ему ничего не говорило, ибо много времени уже минуло с тех пор, когда они были очень молоды. Елисей помнил ее первые слова в личной переписке в соцсети: «Елисей, это ты?»

Она вскоре после того, как Елисей уехал, вышла замуж, у нее трое детей. Муж все эти годы ревновал ее к нему. Как выпьет, давай одну и ту же заезженную уже до дыр пластин-

ку включать – дескать, она его никогда не любила, а все эти годы думала только о Елисее, и все такое. Инга говорила потом Елисею, что она уже и не слушала его бубню, говорила: «Рукою махну на него да пойду своими делами заниматься».

Муж Инги, когда узнал, что через двадцать два года его жена нашла Елисея, чуть с ума там не сошел. Читал переписку, хотел что-то увидеть и на чем-то поймать, даже Елисею отправил запрос на добавление в друзья в одну из соцсетей. Но потом, наверное, понял, что они всего лишь друзья и не более того, успокоился.

Елисей очень благодарен Инге, что она помогла найти всех его родственников на Урале, в Башкирии, на Ямале и так далее.

9 июня 1995 года отец отвез Елисея с его местными друзьями-товарищами на ту же станцию Чебаркуль, на которую он ступил в первый раз 13 сентября 1994 года. Он обнялся со всеми – людей был целый автобус, включая и Ингу, подошел скорый поезд Новосибирск – Москва. Елисей поднялся в вагон, оставил вещи, вышел в тамбур, посмотрел сверху вниз на всех, выступила скупая мужская слеза молодого человека. Все что-то говорили, кричали: «Приезжай! Будем ждать!» Только одна Инга стояла с бледным мраморным лицом, как вкопанная, никак и ни на что не реагируя, как будто точно знала, что он не вернется. Проводница попросила Елисея пройти в вагон, ибо поезд трогается. Он еще раз посмотрел на всех и медленно побрел в вагон. На Урал он боль-

ше не вернется.

Через пару дней Елисей был уже дома с таким простуженным горлом, что даже на сутки в больницу попал. Так миндалины воспалились – дышать стало невозможно, пришлось делать операцию.

История сослагательного наклонения не имеет, потому Елисей никогда ни о чем не жалел, никогда никому не завидовал, но если бы он знал, чем закончится его возвращение домой, то без каких бы то ни было «если» остался бы, не раздумывая, на Урале.

До трагедии, которая изменила все в его жизни, оставалось тринадцать месяцев.

После приезда Елисея с Урала через месяц сыграли свадьбу – средний младший брат Юлий женился на однокласснице самого младшего брата Виталия и сестре одноклассника Елисея Алексея. Вскоре у них родился Артемка, по сей день любимчик всех. Сегодня Елисей после трагической смерти Юлия называет его сыном, а Артем называет его ба-тей – у них отличные отношения.

Артемку нельзя не любить – он красив и умен, выдержан, лишнего не скажет, не осудит никого, не гневлив, всегда готов помочь, без вредных привычек. Елисей очень его любит.

После свадьбы Юлия Елисею нужно было что-то делать, чтобы были деньги, а это означало идти куда-то работать. Вначале пытался с приятелем мясом торговать, но что-то не заладилось; потом – поиграть в крутых, какие-то рынки,

какие-то разборки; затем – торговые палатки, магазинчики. Все это сопровождалось бесконечными ресторанами, пикниками, бессонными ночами – безумный и бессмысленный ритм жизни, пустое времяпрепровождение. Заканчивались «лихие девяностые», где все хватало и рвали все, что плохо лежит, просто шли по головам друг друга. По стране кровь в прямом смысле слова текла рекой: шла война в Чеченской республике, гробы приходили во все уголки некогда великой империи. Никто не имел опыта борьбы с организованным терроризмом, хотя всего несколько лет назад наши войска ушли из Афганистана – казалось бы, должен быть опыт. Но моджахеды в Афганистане – это семечки по сравнению с теми, кто был на Северном Кавказе. На хороших, обученных, здоровых и взрослых отморозков руководство страны кидало восемнадцатилетних мальчиков, которые только что были оторваны от материнских сосцов. К тому же были продажные офицеры, которые за чечевичную похлебку продавали мальчишек – целые колонны погибали в ущельях и засадах, их просто накрывали беспощадным огнем из всех видов оружия, а координаты боевикам – маршруты передвижения колонн и отрядов – предоставляли такие вот нелюди, которые считали себя офицерами российской армии.

А тут еще в самой молодой России кровь хлынула из-за бандитских разборок, которые начались в результате передела сфер влияния, дележа собственности, наглого рэкета – брат убивал брата. Молодых людей просто пачками хоро-

нили по всей стране. Безработица, бездумное и бездарное управление государством, постоянные займы у МВФ и других финансовых институтов загоняли страну в кабалу и рабство. Люди не только месяцами, но и годами не получали зарплат и пенсий, в одном только Приморском крае месяцами не было ни света, ни тепла, Владивосток погружался в холод и тьму кромешную. На ядерных объектах страны сидели американские эксперты. Некогда великую империю просто рвали на части и свои, и чужие. Особенно радовались за океаном и на Западе, что нет больше главного конкурента, теперь США может безраздельно править миром.

Народ был в смятении и замешательстве: а что будет завтра, если так сегодня? Живя в СССР, люди имели какую-то цель: строили счастливое и светлое правовое будущее, где все будут равны, где великий социальный и свободный коммунизм победит все зло на земле – и вдруг идея великого равенства и братства рухнула, как карточный домик.

Люди стали злы и беспощадны даже к своим родным и близким, появились целые организованные преступные группировки по всей стране, где кроме рэкета и другого беспредела, принимали заказы на убийства.

В этом хаосе Елисей не знал, куда ему примкнуть – к «белым» или «красным». Жить по чести и совести было просто нереально, это значило влачить нищенское существование, а с этим он никак не мог смириться, ибо его гордыня и амбиции съели бы его с потрохами. Но преступать закон

он тоже не хотел: как потом жить? Отца не было давно в его семье, зарплата матери, как заведующей столовой, была нищенской, а воровать по-крупному она не могла, потому ей пришлось оставить столовую и уйти работать на животноводческую ферму. Указом президента ей было в сентябре 2001 года присвоено звание заслуженного работника сельского хозяйства, а уже в октябре в Кремле вручили знак отличия и удостоверение к нему, а также полагающийся по церемониалу букетик цветов из рук Президента страны.

Поддержки Елисею неоткуда было ждать, потому надеяться нужно было только на себя.

После нескольких месяцев шатаний, пока были деньги, которые он немного накопил, работая на Урале, Елисей с друзьями-товарищами устроился в ряд коммерческих палаток, а также занялся доставкой товаров, преимущественно продуктов питания, включая и фрукты. По вечерам – спортзал, какие-то разборки, игра в крутых чуваков, дискотеки, иногда рестораны. Ну а пикники – в сезон, с поздней весны до терпимого времени осени, пока прохлада не давала о себе знать. Может, один-два раза в месяц он позволял себе травкой побаловаться.

Как-то Елисей начал замечать, что на него постоянно кто-то смотрит или за ним следят. Резко обернется – а там никого. Проходя вдоль или мимо многоэтажек, он часто смотрел вверх – не полетит ли что-нибудь именно на него.

Глаза на себе он чувствовал постоянно.

За пару месяцев до отъезда с Урала он проснулся от того, что что-то или кто-то ползет от кончиков пальцев на ногах и далее вверх по ногам. Было раннее утро, ибо рассвет только начинался. Семейное общежитие, в котором жил Елисей, было расположено так, что окно комнаты всегда озарялось ярким светом первых солнечных лучей, кровать его была поставлена головой на запад, а лицом на восток.

Елисей не видел ничего и никого, но «это» продолжало ползти, пока не уселось на груди. «Это» было тяжелым, невидимым и живым, ибо он слышал, как оно дышало. Елисея в прямом смысле слова парализовало, он не мог пошевелить ни ногой, ни рукой, такой страх напал на него – не передать. Как бы он ни пытался «это» с себя столкнуть, руки и ноги не слушались его, к тому же «это» еще и душило его.

Вдруг правая рука немного зашевелилась, и ему удалось «это» сбросить на пол – оно с грохотом рухнуло. Елисей вскочил с кровати в неглиже, весь дрожа от страха, ибо с таким явлением он еще не сталкивался. Рассказы людей о подобных мистических случаях его ничуть волновали, а теперь сам столкнулся с необъяснимым.

Весь рабочий день Елисея прошел без каких-либо думок и размышлений о произошедшем ранним утром, никаких страхов и вопросов у него не было. После работы, как обычно, он спустился в спортзал, им же организованный и оборудованный с помощью двоюродного брата и его друга.

После спортзала – душ, а затем – ужин, который сам же

и приготовил. Потом лег спать.

Елисей проснулся с первыми лучами солнца снова от того, что что-то или кто-то ползет снизу вверх. И «это» точно так же, как и накануне, уселось на груди. Жуткий ужас напал на него пуще вчерашнего: снова полный паралич, но теперь «это» чуть не задушило его. Как бы он ни пытался скинуть необъяснимое с груди, ничего не получалось – тело совсем не слушалось. Дышать было практически невозможно, и уже на грани потери сознания ему все же удалось «это» сбросить на пол. Оно рухнуло с таким же грохотом, как и вчера. Елисей почувствовал шерсть на «этом», она была похожа на шерсть выдры, нутрии, бобра или ондатры – что-то из этой серии.

Елисей еле встал. Он сел на стул, включил свет, хотя солнце уже в полноте заглядывало ему в окно. Взял сигарету и закурил, хотя курение ему никогда не нравилось. Руки дрожали, словно он вышел из шахтерского лифта после смены, во время которой не выпускал из рук отбойный молоток. Крепко задумался и снова закурил. На ум ничего не приходило, одни вопросы: что это было и что это значит?

Через тринадцать месяцев – 13 июля 1996 года – при нырянии он получил тяжелейшую травму спинного мозга, шейного отдела позвоночника, практически несовместимую с жизнью.

Часть II. После

Лучший друг и однокашник Елисея Максим Воронков заехал за ним в одну из коммерческих палаток и предложил поехать домой в деревню – тот согласился.

Ночь практически не спал, и отличная была идея поехать в отчий дом отоспаться. Приехав домой, Елисей прямым ходом пошел к газовой плите. Открыв утятницу, он увидел тушеные свиные ребрышки, приготовленные его мамой Виталиной.

Только он приготовился откусать излюбленное лакомство, как пришел друг Виталины, шабашник с Украины Михаил.

Слово за слово, они пошли в местное сельпо, взяли бутылочку беленькой и шматок колбаски. Михаил предложил пойти домой, но Елисей настаивал пойти на пруд, который был совсем рядом. Михаил несколько раз еще предложил пойти домой, но слово Елисея пересилило, словно какая-то рука тащила его к роковому событию, после которого его жизнь на долгие годы в превратилась в ад!

После 13 июля 1996 года его жизнь уже потечет в другом русле навсегда.

Елисей не был пьян, как судачили потом люди, ибо в тот день на берегу было немало народа, практически одни подростки, которые пришли покупаться. Бутылочку беленькой

пришлось испытать на пять или шесть человек, так что для молодого организма это как капля в море.

Елисей увидел на берегу парня крепкого телосложения, небольшого росточка Мишеньку и предложил ему померяться силами. Он еще подшучивал над Мишенькой, который был на три года младше Елисея, самому Елисею было двадцать три:

– Мишаня, ну-ка, давай-ка посоревнуемся, кто кого, кто быстрее пруд перенырнет? А то смотрю, растешь, как на дрожжах, того и гляди будешь меня одолевать!

Так как Мишенька был моложе, Елисей дал ему фору – предложил ему нырять с того места, где и все ныряют, а сам отошел на пару метров в сторону. И на счет три, два, один – они прыгнули: Мишенька – удачно, а Елисей хотел оттолкнуться от самого края обрыва... и у него соскользнула нога, вместо прыжка рыбкой он пошел штопором вниз недалеко от берега, где глубина была чуть больше полуметра, а дно было из прессованной глины.

Словно удар электрического тока пронзил все его тело – он ударился головой о дно и лег на спину, но сознания не потерял. Открыв глаза в воде, Елисей пытался вынырнуть, но тело его не слушалось. Сквозь небольшую толщу воды пробивались солнечные лучи, они были такими близкими, но при этом очень далекими для Елисея. Казалось, подними руку – и тебя заметят с берега, но тело отказывалось слушаться – оно было неподвижно.

Елисей потихоньку начал выпускать воздух, а вместо него легкие стали заполняться водой – он потерял сознание...

Очнулся он на берегу в неподвижном состоянии, вокруг него скопилось много народа. Откуда-то появилась медицинская сестричка в белом халате – он ее не знал. Да собственно, до него не доходило, что вообще с ним происходит. Кто-то сказал о машине скорой помощи. «Значит, что-то произошло», – подумал Елисей. Он пытался пошутить с медицинской сестричкой со скорой. Скорее всего, это была фельдшер неотложной экстренной помощи, ибо медицинские сестры на вызовы не выезжают. Якобы они еще станцуют вместе – она улыбалась. Тело не слушалось и ничего не чувствовало. Вдруг Елисей вспомнил, как нырял на спор и что сильно ударился о дно пруда, разряд электричества, резкую боль. Он видел сквозь небольшую толщу воды солнце – оно очень было близкое и в то же время очень далекое, ибо он не мог его достать, а только смотреть и медленно угасать. Он также вспомнил, что когда начал выпускать воздух и пить прудовую воду, мимо него, как в ускоренной перемотке киноплёнки, пронеслась, начиная с раннего детства, вся его жизнь, которой на тот роковой момент было всего двадцать три с половиной года.

Только после московского Института имени Бурденко ему рассказали, что после того как он нырнул, через небольшой промежуток времени какой-то ребенок сказал, что видел пузырьки на воде там, где Елисей прыгнул, ибо Мишенька уже

переплыл пруд и ждал его, хотя все должно было быть наоборот – Елисей должен был первым переплыть и ждать Мишеньку.

Елисей без шуток и приколов не мог, потому вначале все подумали, что он под куст какой-то заплыл и ждет, чтобы его начали искать. Но так как его уже долго не было, старшие парни и мужики кинулись в пруд на то место, где один из мальчишек, находившийся на берегу, видел пузырьки, как раз там они и нашли его. Никто не знал, что с ним, потому тащили, как могли, и хватали за все части тела, в том числе и за голову, которая не держалась практически ни на чем, ибо шейный отдел позвоночника был очень сильно поврежден тяжелой травмой спинного мозга. Говорили, что на берегу его клали на колени головой вниз, чтобы вода вытекла. Думали, что он просто воды нахлебался – голова болталась, Елисей стонал в бессознательном состоянии. Скорее всего, и когда доставали из пруда, и когда пытались на колени положить, чтобы вода из него вышла, травму еще больше усугубили, но они ведь не знали, что с ним.

Перед тем как потерять сознание и очнуться уже на следующий день в реанимации под аппаратом искусственного дыхания, он попросил того же Мишеньку зажималкой прижечь ему пальцы ног.

Он еще раз полушепотом сказал ему:

– Прижги мне пальцы ног!

Мишенька ответил:

– Я прижигаю.

Елисей понял, что что-то случилось серьезное, потому что он не чувствовал пальцев ног, как бы ему их там ни прижигали – и потерял сознание.

Очнулся на следующий день от грохота какой-то машины, одна из трубок которой была во рту, да еще какой-то мужик в белых шортах и в очках с золотой оправой громко орал благим матом:

– Эх, Елисейка, что же ты с собой сделал!

Уже позже, по прошествии какого-то времени, ему сказали, что этот импозантный мужчина в шортах и в очках с золотой оправой был нейрохирург из областного центра, которого в спешном порядке привезли друзья Елисея.

Через трубку во рту Елисей проговорил, что он инструктор по плаванию, хотя никогда таковым не был.

По сей день Елисей не знает, почему именно это сказал. Он снова потерял сознание.

Очнулся через пару дней снова под аппаратом искусственного дыхания с каким-то биндажом на шее. Перед ним в реанимации стояла Мария Ивановна – его бабушка, мама его матери. Елисей ее сразу узнал – на глазах у нее были скупые слезы. Она была вся в черном, по крайней мере ему на тот момент так показалось. Елисей вспомнил, как эта властная женщина заставляла его в трехлитровой банке сбивать масло из молока, несколько часов болтать практически без остановки, и как ему это не нравилось. Он вспомнил ее холодец

и деревенский квас, жареную картошку, а также свежее испеченный хлеб в ее печи, обладавший невероятным запахом и вкусом.

Дедушка держал пасеку – в доме всегда был свежий мед. Даже когда дед трагически ушел из жизни, его младший сын Савелий продолжал держать несколько ульев с пчелами, так что мед в доме бабушки продолжал быть. Да еще всякую домашнюю скотину, покуда сил хватало, бабуля держала, в том числе и коров.

Елисей вспомнил, глядя на нее, вкуснотище всех внуков в доме бабули на все времена: свежее молоко, горячий из печи хлеб и мед – это было что-то. А еще, конечно, жареная картошка с богатой окрошкой, которая в доме бабули называлась просто квасом.

Богатый дом дедушки с бабушкой находился на живописном месте на возвышенности. Перед домом был большой луг, на котором на привязи паслись коровы, телята, овцы, а также детям хватало место для игр.

У подножия возвышенности, на которой находились дом и огромных размеров луг, текла река. Вид был просто неописуемый. Все любили купаться в реке, на дне которой вначале был мелкий гравий, а потом песочек. В реке было много рыбы, дядя Савелий наметкой под корнями деревьев вдоль берега регулярно вылавливал множество рыбы, особенно после ледохода и когда рыба шла на нерест. С годами рыбы становилось все меньше и меньше, дядя все реже и реже

выходил порыбачить. Из-под горы били родниковые ключи во многих местах, вода была очень холодная и вкусная, по сей день Елисей вкуснее воды нигде не пил.

Одно всегда задевало Елисея: у бабушки были любимые дети и нелюбимые. Соответственно, дети нелюбимых детей, то бишь внуки ее, стали также нелюбимыми, хотя старшую сестру Елисея Инну она все же с дедушкой взяла на воспитание, облегчив бремя своей дочери Виталине по возвращению одного из четырех детей.

Елисей еще вспомнил, как у бабули как-то сломался телевизор, а это было зимой. А он, будучи где-то в седьмом классе, прикупил все для пайки, то бишь и паяльник, и олово, и канифоль. Пытался где-то что-то паять – подростковый интерес, не более того. Как раз подвернулась «халтура» – возможность рубля три срезать с бабушки. А сам ни навыков, ни какого-то умения самородка в области радио- и видеотехники не имел. Но юный «радиолобитель», у которого были паяльник, олово и канифоль, все же рискнул и поехал к бабуле, которая, кстати, жила в соседней деревне в трех километрах, и надо было от автобусной остановки идти пешком, учитывая тот факт, что на улице зима, мороз приличный и снежные сугробы чуть ли не выше Елисея.

В конце восьмидесятых большой редкостью были цветные телевизоры, и конечно, у его бабушки был обычный черно-белый ламповый телевизор.

Мария Ивановна была весьма удивлена, увидев внука

на пороге дома с каким-то дипломатом.

– Я телевизор приехал делать, – выпалил с порога Елисей.

– А сможешь? – спросила бабушка.

– Попробую, – тихо ответил внук.

Елисей прошел в зал, где стоял телевизор.

Открыв с помощью отвертки крышку задней части телевизора, с важностью что-то понимающего в этом юный «телемастер» принялся трогать все лампы. Где-то вытащил из гнезда и снова воткнул, где-то какую-то покачал, перед всеми манипуляциями с ремонтом телевизора предварительно достал все важные инструменты для ремонта теле- и радиоаппаратуры: отвертку, пассатижи, паяльник, олово и канифоль, чтобы бабуля заметила, что действительно тут к вам не дилетант приехал, а мастер своего дела, надо же рубля три заработать. Так вот, после всех манипуляций с лампами Елисей включил телевизор... и надо же такому случиться – тот стал показывать. Елисей сам от удивления присел, а бабуля обрадовалась от такого подарка – внук телевизор сделал. Пошла картошки нажарила и трехлитровую банку помидоров открыла консервированных.

Елисей поел хорошо, конечно. Уже в мыслях представлял, как бабушка троячок ему кладет за работу, а может даже пять рублей – но не тут-то было: кроме жареной картошки с помидорами и «спасибо» за работу он ничего от своей бабушки не получил. Обиженный, он поплелся на остановку по морозу и снежным заносам, бубня себе под нос: «Зачем

только тащился? Ведь знал, что бабка жадная!»

А вот теперь та самая бабушка, Мария Ивановна, стояла пред его больничной койкой в реанимации, что-то бормоча под нос, а затем, сделав паузу в бормотании, уже молча смотрела на него со скупой слезой.

Елисею было очень трудно говорить, потому бабушка постояла-постояла и пошла домой, но перед уходом сказала:

– Я тебе ситничек принесу, выздоравливай.

Елисей ей вслед подумал: «Какой была, такой и осталась – жадная!» Но ему уже все равно было, ибо полная неподвижность с трубкой во рту, грохот этой «чудо-машины», которая качала кислород, непонимание всего: что происходит, что с ним и как это могло случиться именно с ним?! Словно все у него было отбито, будто все органы вырвали изнутри, а потом просто запихнули внутрь небрежно, грубо зашив брюшную полость.

Боль, неподвижность, люди в белых халатах, бесконечные посетители, хотя эта была реанимация. Свет, постоянно горел свет. Июль – жарко, тело горит, словно ты в доменной печи.

Беспомощность просто убивает: такое ощущение – ты умер, но завис где-то между небом и землей.

Елисей неподвижно смотрел в потолок. На третий день случился послеоперационный криз, у него упало давление – он посинел. Как раз к нему пришла старшая сестра Инна, которая к тому времени уже развелась, имея на руках вось-

милетную дочь Анну.

Последнее, что слышал Елисей, прежде чем потерять сознание – это истошный крик сестры. Когда он пришел в себя – не помнит уже, но ничего не изменилось. Кажется, только одно: да, точно, одно – душераздирающий вопль ребенка.

Он слышал, как медицинские работники говорили между собой, что на ребенка вроде вылили кипяток. Трое суток он кричал навзрыд без остановки, а еще жара, свет да грохот «чудо-машины» для кислорода – это был кромешный ад.

Через несколько дней напротив Елисея положили человека – он оказался тоже ныряльщиком, да еще и дядей жены его друга Валентина Свиридова, который в экстренном порядке из областного центра как для Елисея, так и для дяди его жены привозил дежурного нейрохирурга. Ему было чуть больше сорока. Он был без сознания. Елисей еле-еле шепотом произносил с трудом:

– Только не умирай!

Через пару дней, не приходя в сознание, он умер.

Елисей не знал этого человека до травмы, да и сейчас даже имени его не помнит, а ведь звали его как-то. Конечно, он мог бы позвонить своему другу и поныне Валентину Свиридову и узнать, как звали дядю его жены, который умер более двадцати лет назад в реанимации после ныряния – но какой смысл и зачем? Ведь прах и тлен, все подлежит забвению.

Елисей помнит, как ледяная дрожь пробежала по его телу, которое ничего не чувствовало, когда каталку с тру-

пом дяди жены его друга оставили на пару минут с ним. Труп, накрытый белой простыней, лежал рядом с ним. Казалось, что сама смерть пришла за Елисеем и вот-вот прыгнет на него с этой каталки. Никогда доселе Елисею не приходилось лежать рядом с трупом, чувствовать смерть всем своим нутром. Страх, полная незащитность, безысходность, беспомощность, опустошение словно эхом изо всех щелей и углов отзывались:

– Следующим будешь ты!

Труп увезли в морг, но запах смерти не покидал реанимацию все сорок дней и ночей, ровно столько Елисей был в ней.

Ситуацию с ним взяла на контроль мэрия города, так что из обычного человека он перешел в статус «вип-клиента» центральной районной больницы, то бишь на особом внимании и контроле. Даже в реанимацию кроме близких родственников приходили друзья и просто знакомые, хотя по инструкции в реанимацию посторонним вход строго воспрещен. Платились деньги, давались взятки, с мэрии постоянно названивали, друзья все держали под контролем, доходило до угроз медицинскому персоналу, если с ним что-то случится, и так далее.

Но Елисею было все равно уже, он тупо ничего не понимал, что происходит. Вся эта возня вокруг него, суета, множество людей к нему, как в мавзолей к Ильичу. У окна реанимации рядом с приемным покоем постоянно были какие-то люди, что-то говорили, пытались ободрить и поддер-

жать. Весь медицинский персонал, от санитарочек до врачей, был весьма дружелюбен и лоялен к Елисею, уже сватали его за какую-то красивую и высокую медсестру по имени Вера, которая там же и работала. Он пытался улыбаться, но тщетно – не было сил даже на улыбку.

Через сорок дней кошмара в реанимации его перевели в одноместную палату для ветеранов труда и еще кого-то. Народ продолжал потоком идти к нему. Даже директор школы с завучем приходили его навестить, хотя на тот момент он школу закончил как уже восемь лет назад. Холодильник, дополнительный стол поставили для всяких вкусностей – Елисей ничего не ел, а только пил, пил много. Он тупо ничего не понимал, что происходит, словно это не с ним и скоро, совсем скоро этот кошмар закончится. У него сильно горели ноги – днем терпел, а всю ночь стонал. За два месяца пребывания в реанимации и отдельной палате он примерно с восьмидесяти пяти до сорока килограммов похудел – таял на глазах.

Ночи для него были все одинаковые – бессонные, в сопровождении стога. После обезболивающего укола удавалось немного поспать. Знакомая пришла, увидев его, заплакала и, не зная, как помочь, помыла пол в палате.

У друзей не выдерживали нервы. Когда они смотрели на него, у кого-то появлялись слезы, а кого-то выводили под руки – им становилось плохо. Позже рассказывали, как его друг юности Саша Изюмов приехал к приемному покою. Ко-

гда он еще был в реанимации, как раз вышел тот самый нейрохирург из областного центра, привезенный друзьями после операции, и сказал:

– Я сделал все, что мог, шансы очень малы – готовьтесь к худшему.

Саша отошел от всей толпы, стоявшей на пороге приемного покоя в ожидании известий, сел на лавочку и заплакал.

Уже после московского Института имени Бурденко «доброжелатели» рассказали, как родственники Елисея, когда услышали вердикт нейрохирурга, стали обсуждать вероятность похорон и последующих поминок, кто по сколько должен скинуться на сие трагическое мероприятие, хотя он еще был жив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.